

Красковский Д.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

КИБОРГ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПРОШЛЫМ

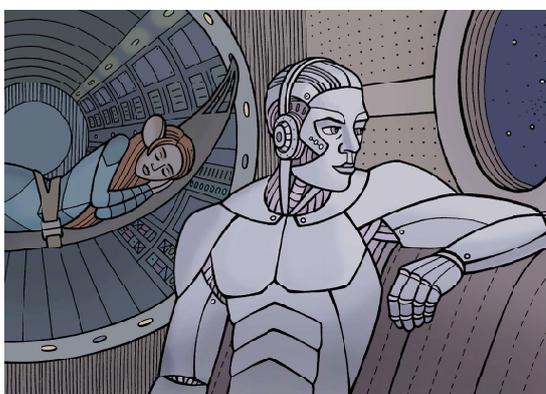
Эль безмолвно смотрел на сверкающую пудру далеких звезд, рассыпанных по беспросветно черному бархату неба там, за толстым пластиком иллюминатора. По расписанию дня (хотя какой там день – внутри металлической скорлупки, уже который месяц болтающейся на окраинах Галактики, это только фикция) давно полагалось спать. Тем более что «утром» на поблажки в смысле проснуться попозже рассчитывать не приходится: всего через каких-нибудь 20 часов они войдут в метеорный пояс Касситерид, тогда придется и пострелять, и поманеврировать. А к этому надо еще заранее подготовиться – одним словом, для двоих работы более чем достаточно. Эль глянул вправо, туда, где в своем гамаке мирно посапывала во сне Гайя. Самому же Элю спать не хотелось – хоть тресни! Он отстегнул фикса-

онные пояса, выплыл из гамака и уткнулся лбом в гладкую поверхность иллюминатора. Где-то, почти за порогом восприятия, мерно шелестел вентилятор биокондиционера, но под этот убаюкивающий шум, вместо сновидений, волной нахлынули воспоминания...

Первым делом, конечно же, Большая война. Из-за чего она началась – точно не узнает уже никто и никогда. Известно лишь, что вначале был всего лишь банальный локальный конфликт где-то на востоке материнской планеты, больше трехсот тридцати лет назад. Когда же Земля по большей части превратилась в обгорелый и многократно перепаханный осколками радиоактивный шар, сражения продолжились на других планетах солнечной системы, уже к тому времени освоенных, – от Венеры до Сатурна включительно.

Это была и его битва. Его и многих других сыновей и дочерей Марсианской колонии. И для очень многих она стала последней. Собственно, за то, что он выжил в этой бойне, Эль должен благодарить ту давнюю аварию в водяных шахтах. А главное – создателей универсального интерфейсного модуля – УИМа, позволяющего интегрировать живой мозг в любой электронный механизм, заменяющий безнадежно искалеченное тело. Эль стал первым испытателем модуля: терять ему тогда было нечего.

С тех пор он сменил уже немало тел: неуклюжий горный робот, похожий на ги-

гантского крота с налобным ультрафиолетовым лазером-спаркой, наскоро приспособленный под интерфейс УИМа; затем серийный образец, сжиться с которым было несколько удобнее, – УИМы уже спасали жизнь многим, и разработка корпусов под них выросла в целую индустрию; потом, когда добыча из недр Марса водяного льда была, наконец, полностью автоматизирована, – легкий гуманоидный корпус серии «Катран» с идеально сымитированной пластиковой кожей и шелковистыми волосами, – даже глаза были на вид совсем настоящими, а не с желтоватой филигранью фасеток... А потом – вспышки аннигиляционных бомб и огненный ад.

С чего началась эта заваруха, понять было уже сложно. Судя по всему, – снова с мелочи, с почти незаметного недопонимания, помноженного на непреодолимую гордыню и стремление «насолить» соседу. Впрочем, докосмическая, или, как ее частенько именуют теперь в информпакетах по новой истории землян, «планетарная» эра была битком набита подобными сюжетами, когда мелкая свара быстро перерастала во всеобщую бойню, и только после этого и виновные и равнодушные начинали понимать, что совершили ужасную ошибку. Когда было уже поздно.

Вот так же и Первая марсианская... Поначалу Земля, а вернее, фактически захватившая власть на ней Конфедерация Объединенных Штатов, предполагала лишь наказать колонистов за слишком низкие цены, по которым те продавали добываемые в красных песках железо и серу. Там, где властвуют деньги, арсенал средств всегда невелик: сначала подкуп, потом угрозы, а затем и насилие, цель же – если это деньги и власть – оправдывает любые средства. Сначала это были автоматические рейдеры-камикадзе, управляемые примитивными трасскомпьютерами и несущие обычный пластик, – конфедераты еще опасались реакции остальных государств Земли и автономных колоний. Или, может быть, рассчитывали увидеть марсиан с поднятыми руками после первых же ракетных атак. Но свобода жить на своей планете далась колонистам слишком до-

рого, чтобы отдать ее кому бы то ни было. Противометеоритные лучевые пушки были превращены в противоракетные и сначала неуверенно, а затем все точнее поражали космических стервятников. И вот, в ярости корчась от собственного бессилия, Конфедерация решилась на аннигиляционные бомбы...

Тех, кто смог выжить после первых ударов, приютили расконсервированные и наспех приспособленные под убежища старые глубинные шахты. И, когда на покрытую оплавленными язвами воронок поверхность Марса опустили первые десантные крейсера конфедератов, вместо ожидаемой покорности их встретили небольшие, маневренные и бесстрашные отряды. Только киборги могли выжить в насквозь пропитанной радиацией жиденькой атмосфере Марса, которая прежде оставалась вне ситалловых защитных куполов.

Перед глазами Эля скользили тени событий. Он был одним из первых вступивших в бой с вооруженными по последнему слову военной техники армадами «ящеров»: именно такую эмблему – с оскаленной драконьей пастью на фоне трех языков огня Конфедерация выбрала своим гербом. Эль тогда был танком, одним из двух десятков гусеничных транспортов, в мирной жизни предназначенных для перевозки руды и стройматериалов. Конечно, танком такой транспорт можно было назвать очень условно, но после оснащения бронеконструкцией, защищающей живой мозг «пилота», его УИМ и немногие жизненно важные узлы механизмов жизнеобеспечения, а также спаркой стандартных горных лазерных резаков он становился весьма действенным оружием...

Погружаясь в полудремоту-полуявь, заменяющую киборгу нормальный сон, Эль снова возвращался в первые дни боев, врезавшиеся в память и оставшиеся в ней навсегда, словно заживший когда-то давно, но так и не разгладившийся шрам.

Ощущение себя как части грузной, неповоротливой после привычного «Катрана» машины быстро таяло. Эль словно сживался со своей новой телесной оболочкой, срастаясь с ее холодными металлическими членами в единое целое. Приятное тепло прогре-

того двигателя, ровное дыхание его импульсного термоядерного микрореактора и мягкое чувство сытости, когда топливные камеры полны. Опьяняющее стремление бежать вперед и вперед, взрывая траками гусениц песчаные дюны и оставляя за кормой смерчи бурой пыли, бешеными рывками в стороны уворачиваться от разрядов конфедератских плазменных кулеврин и частыми морганиями век накрывать веерами невидимых лазерных мечей тускло-серые скафы с ненавистным «ящером» на шлемах. А над головой, вернее, над заменяющей ее теперь скорлупой защитного кокона, – вьются, будто стаи рассерженных ос, птераны прикрытия, поливающие врага электромагнитными залпами, подставляющие себя под плазменные разрывы, но напрочь сбивающие прицел тяжелых плазменных гаубиц конфедератов и заставляющие их пламя бессильно жечь только пустой песок. Хрупкие, слишком беззащитные треугольники птеранов один за другим падали наземь, рассыпая снопы искр и превращаясь в груды бесформенных обломков, и тогда, подобно валькириям из полузабытых сказаний древности, на них пикировали маленькие сфероиды высотных разведчиков, схватывали кривыми паучьими лапками своих манипуляторов бесценные коконы пилотов и стремительно уносились с ними, спасая скрытый в них живой мозг. И вся эта мешанина огня, металла и песчаной пыли перекрывалась многоголосой скороговоркой мыслеобразов, которыми обменивались УИМы, выстреливая их очередями сверхвысокочастотных радиоимпульсов...

Эль вздрогнул, почувствовав холодное прикосновение к его сознанию бортового

компьютера «Мирон». – Чего тебе? – переслал он недовольный отклик кристаллическому мозгу машины, которой его собственный, усиленный электроникой мозг почти не уступал в быстродействии. «Мирон» ответил серией навигационных данных, касающихся необходимого в этой насыщенной астероидами зоне пространства изменения полетной траектории, но в данном случае излишних для Эля. Вообще-то давно следовало отключить этот постоянно мешающий резервный канал связи и пользоваться обычным пси-дисплеем. Но своевременный вызов «по резерву» уже выручал его в двух-трех рискованных ситуациях, и терять такое важное преимущество в борьбе со случайностями Дальнего Космоса Элю не хотелось.

Эль отплыл от иллюминатора и осторожно, чтобы ненароком не разбудить Гайю, направился в грузотсек осмотреть крепления контейнеров, – выдержат ли они рывки противометеорных маневров. Проплывая совсем рядом с ее гамаком и слыша ее ровное, легкое дыхание, Эль ласково улыбнулся, любуясь прелестным Гайиным личиком, словно обрамленным шелковыми волнами густых золотых волос, а она, словно чувствуя во сне его внимание к ней, улыбнулась в ответ. Эль нырнул в круглый люк межсекционного перехода, вспоминая мгновения их первого знакомства...

Собственно говоря, то, что они теперь летают вместе, так же удивительно, как если бы обычная звезда вдруг обрела правильную кубическую форму или какая-нибудь планета в одночасье сошла бы с привычной орбиты и начала выписывать кренделя по всему окрестному пространству. Гайя была *дисой*, а это говорит само за себя.

Дисы – это, пожалуй, одна из самых таинственных цивилизаций из всех разумных рас, с которыми землянам довелось вступить в контакт, а точнее, просто довелось обнаружить в космосе, поскольку официального контакта так и не состоялось ни при одной подобной встрече. По некоторым данным, дисы происходили из небольшого планетного роя в районе скопления «аш» Персея. Предками их были не обезьяноподобные существа, как в случае Земли, а крупные

ночные грызуны, от которых современные диски унаследовали несколько своеобразную внешность – сильно напоминающую старые диснеевские мультяшки, из-за чего этой расе землянами и было дано такое название: феноменально крупные глаза и сверхчувствительные локаторы ушей, а заодно и прямотаки фанатическое стремление к независимости и от чужаков, и от себе подобных. Ко всему этому примешивалась и презиридная доля агрессивности, даже гораздо ярче проявляющаяся, чем у людей, а посему не следует удивляться, что исходная дисовская планетная система давно уже представляла собой радиоактивную, разлетающуюся с огромной скоростью пылевую туманность. В живых после такого аутодафе осталась лишь небольшая часть довольно значительной в прошлом популяции, рассеянная в пространстве Дальнего Космоса на небольших, как правило, семейных кораблях, практически никогда не вступающих в контакты и в лучшем случае ограничивающихся в ответ на любые запросы короткой «стандартной» фразой: «Нет подходить близко. Следовать свой путь.» Чаще же ответа не было вообще, а дисовский кораблик практически сразу начинал разгон и уходил в свехсвет, – довольно, впрочем, примитивным, сопровождаемым мощной световой вспышкой способом. Сложно сказать, почему диски не вымерли за прошедшие с времен Взрыва почти шестьсот лет при такой нелюдимости; должно быть, их выручала лишь удивительная живучесть и долгожительство, помноженное на известный из теории относительности эффект замедления времени...

Учитывая все это, надо было признать, что Гайя была явно *нетипичной* дисой – по крайней мере, по характеру. Хотя во всем остальном диски вполне могли бы ею гордиться. Как и все ее ныне живущие соотечественники, Гайя родилась в Космосе, на борту старенькой звездной лодочки – довольно-таки изношенной и давно оказавшейся бы на свалке, если бы не Гайины старания, но зато это была *настоящая* дисовская посудина еще «довзрывной» эпохи, которая и составляла все ее безраздельное наследство. Так что не удивительно, что Гайя была пи-

лотессой сверхвысокого класса, наизусть знала устройство почти чего угодно, относящегося к миру техники (не говоря уже о собственном кораблике), почти любое из этого «чего угодно» могла разобрать и собрать хоть с завязанными глазами и к тому же обладала феноменально быстрой способностью к обучению, – тут она вполне могла посоревноваться на равных с Элем, несмотря на его усиленные электроникой мыслительные способности...

Эль окинул хозяйственным взором ровные ряды зеленовато-бурых ребристых контейнеров и подергал один из фиксаторов, показавшийся ему подозрительным. Убедившись, что крепление по-прежнему держит намертво, он облегченно вздохнул и направился обратно к своему гамаку, вспоминая подробности своей первой встречи с Гайей.

Никакой особенной романтики при этом не было. Эль уже третий год корабельного времени болтался в совершенно пустой яме космического пространства радиусом этак в полсотни парсек, занимаясь своей привычной работой – розыском и утилизацией брошенных космических кораблей независимо от их класса и расовой принадлежности. Конечно, профессия звездного старьевщика не считалась особенно престижной, да и что-нибудь заслуживающее внимания попадалось редко: в густонаселенных районах Галактики все давно было выбрано, за исключением разве что шальных посудин, залетающих со стороны, так что за каждой приходилось подолгу охотиться на самых окраинах Звездной Ойкумены. Но время для киборга не значило почти ничего, а редкие находки все же надежно окупали предприятие, хотя бы и без заметной прибыли. Законы старьевщиков просты: найдя, сдай при удобном случае властям бортжурнал (или то, что его заменяет), а всем остальным и, в том числе, полученной информацией можешь распоряжаться, как хочешь. Даже, если не пригодится для себя, за чужие технические диковинки всегда можно получить вполне приличную выручку. Тем более, что в Анклав – новую конфедерацию, возникшую на развалинах довоенных государств после распада Конфедерации Объединенных Штатов, – Эль

уж никак не вписывался и вписываться желанием не горел. Первое время он подрабатывал пилотом на внешних трассах – спецы, а тем более, киборги изрядно потрепанной боями земной цивилизацией ценились на вес золота. Но, полетав рейсов десять в составе экипажей, он плюнул, купил на все свои накопления подержанный грузовой трейлер «Геракл» и после изрядного его переоборудования направился на окраины в полном одиночестве, если не считать «Мирона». До тех пор, пока не наткнулся на прямо-таки царский подарок судьбы – огромный и, судя по всему, почти не поврежденный лурианский галеон странной спиралеобразной формы.

Быстро осмотрев находку во всех локационных диапазонах и не найдя ничего явно опасного, Эль пришвартовался к ближайшей удобной площадке на боку гиганта, поблизости от чего-то похожего на входной люк, даже не заметив маленькой, совершенно спрятавшейся между витками спирали чечевицеобразной лодочки, подобной малюсенькому ялику на фоне Левиафана.

Проникнуть внутрь оказалось, против ожидания, довольно легко: вход оказался приоткрытым и можно было протиснуться в него без особых усилий. УИМ Эля продолжал поддерживать пси-связь с «Мирном», попутно «копаясь» в его обширной кладовой памяти на оптокристаллах: кроме всего прочего, в памяти «Мирона» имелась внушительная база данных по космическим посудинам самого разного вида и калибра, но встреченное спиралодисковое чудище сильно отличалось от всех известных ранее творений цивилизации Лурии. Информация, которую можно было получить даже за счет беглого осмотра этого технического монстра (а тем более – выкачать из недр бортового биокомпьютера, если только он вообще уцелел, на что Эль, признаться, не слишком надеялся), представлялась достаточно ценной, может быть, и для землян вообще.

Эль медленно продвигался вперед по узкому коридору, внимательно осматриваясь, чтобы не угодить *куда-нибудь, о чем потом придется пожалеть*, и прикидывал, сколько удастся выручить за то немно-

гое, что ему, по всей вероятности, удастся снять с галеона с имеющимся не слишком богатым инструментальным арсеналом. Получалось не так чтобы и много (космомусорщикам платили без особых щедрот), но все же достаточно, чтобы целиком окупить этот рейс, сделать все нужные запасы на будущий, подремонтировать свой уже довольно-таки изношенный трейлер и даже оставить кое-какую заначку на черный день.

Он тщательно осмотрел попавшийся по дороге поломанный транспортный модуль, который, судя по остаткам похожего на вывернутый наизнанку черепаший панцирь пластоорганического кузова на плоской спине, когда-то предназначался для перевозки сыпучих грузов. Модуль был мертв уже давно: из треугольной пробоины в его тупоносом черепе свисали спутанные пучки стеклянных и металлических волокон, слепленных ссохшейся пленочкой нервной ткани. Эль осторожно обошел растопыренные и скрюченные паучьи лапки транспорта и побрел дальше. Похоже, что это было что-то вроде большого рудовоза или такого же трейлера, как и его «Геракл», – конечно, по назначению, а не по размерам. И если исходить из всего известного о лурианской технологии, то весь этот длиннющий, практически пустой коридор, свернутый наподобие садового шланга, скорее всего, представляет собой грузовой отсек с расположенными через равные промежутки порталными люками. А потому придется еще долго идти по нему, пока коридор не упрется, наконец, в огромное, но такое крохотное по сравнению со всем кораблем ядрышко центральной командной рубки. Эль мысленно ругнул себя за забывчивость – ведь что напоминает ему этот космический бублик? Да попросту организм лурианца, как Хранители описывают его в своих Хрониках. Тот же спиральный кокон, как у вымерших сотни миллионов лет назад земных аммонитов, – только лурианцы плавали не в толще воды, а в плотной метаново-аммиачной атмосфере своей гигантской планеты и располагались в центральной части своих силикатно-кальциевых спиралей, заполняя наружные витки водородом и жировыми запасами. А значит, ему,

Элю, следовало сразу же пришвартоваться в самом центре спирали и искать вход там. Но возвращаться назад не хотелось, и Эль, вздохнув, потопал дальше: лишние денька три пешего хода его нисколько не пугали. Во всяком случае, это лучше, чем творение Фирнов с их дьявольскими штучками насчет сферического квазипространства, в которое он, помнится, имел возможность влопаться лет семь тому назад.

Тогда он наткнулся на болтающийся в точке либрации возле маленькой полупотухшей звезды маленький, брошенный за ненадобностью фирновский крейсерак (раза в два меньше его «Геракла») и, не долго думая, сунулся в его раздутое, как у наевшегося паука, тускло-блестящее брюхо. После вскрытого экстрактором шлюзового люка шла овальная, затянутая неподатливой упругой пленкой дыра, ведущая куда-то в темноту. Эль несколько раз попытался прорезать пленку малым лезвием того же экстрактора, который только что так легко вспорол ситалловую обшивку люка, пару раз с досады пнул проклятую занавесь башмаком с тяжелой круглой нашлепкой магнитного фиксатора и, совершенно не преуспев, сочно помянул этих муравьев-переростков Фирнов вместе с их проклятушкой техникой вслух, а заодно и во всех доступных ему электромагнитных диапазонах. В тот же момент чертова пленка подалась, и Эль, едва успев заметить краем глаза сложную паутинчатую структуру ее полупрозрачной толщи, ухнул в пустоту.

Когда он, наконец, пришел в себя и догадался включить налобный фонарь, то увидел... да, собственно, только прикрепленный к его поясу страховочный штуртрос (который он, слава те господи, догадался прикрепить снаружи, прежде чем лезть в распроклятую пленку), извивающийся мало вообразимыми кольцами и обрывающийся метрах в семи от него. И все. Вокруг – совершенная темнота и пустота – даже по данным чувствительного гравилоратора. Уже потом, выбравшись из этой бездонной ямищи и запустив руки в соты фирновского бортового мозга (где, как ни странно, уцелело больше половины взрослых нейронов и изрядное ко-

личество находящихся в глубоком анабиозе личинок), Эль узнал, что побывал в огромном пузыре чужого пространства, которому в нашей Вселенной нет аналогий и которое свободно вместило бы в себя Землю вместе с Луной на ее орбите. Во всяком случае, Фирны на таких рейдерах иной раз (если верить их же информации) умудрялись перевозить чуть ли не целые звездные системы. Но в описываемый момент найти выход еще предстояло, а на его наличие не было никакого намека (да и бессмысленно искать дверь, ведущую наружу из квазипространственного пузыря).

Помогло, если честно признаться, простое везение: Эль заинтересовался болтающимся неподалеку свободным концом штуртроса – порвался он или просто отцепился от точки крепления, – и решил, подтянув трос к себе, проверить наличие на его конце фиксатора. Первые два-три метра он аккуратно складывал его кольцами, однако затем трос натянулся как струна, а его свободный конец выписывал замысловатые кренделя по внутренней поверхности невидимой окружающей Эля сферы и вовсе не собирался даваться в руки. Эль потянул сильнее – теперь уже он сам подтягивался все ближе к своей цели. Зажатый в кулаке трос заплясал бешеный танец, и, наконец, Эль одним быстрым движением сцапал непослушный обрывок. Сцапал – и не поверил своим глазам: пальцы исчезли в никуда, хотя и по-прежнему сжимали натянутый трос. Эль потянулся дальше – рука «растворилась» уже до локтя. Тогда он, начиная уже догадываться, одним рывком дернулся вперед, по бокам мелькнули знакомые паутины, и Эль вылетел из вскрытого им шлюза наружу с таким ускорением, словно получил хорошего пинка, а вновь натянувшийся штуртрос чувствительно рванул его за пояс. Мораль, – подытожил Эль свои воспоминания, – не зная броду, не суйся... куда не следует.

Когда витки спирали наконец-то уже готовы были стянуться в точку, Эль уже наполовину спал, размеренно вышагивая на автопилоте подсознания пополам с совместным электронным мышлением УИМа и «Мирона». Последнее, собственно, и выда-

ло предупреждающий сигнал, заставивший Эля пробудиться от дремы, продолжавшейся, как он тут же выяснил у того же «Мирона», почти двое суток. Еще один поворот, и впереди замаячила знакомая по многочисленным слайдам из Хранительских энциклопедий лепестковая дверь, похожая на увеличенную во много раз ирисовую фотодиофрагму. Ее биомеханизмы оказались (что странно) в полном порядке, и натянувшиеся с сухим шорохом мускульные тяжи втянули лепестки внутрь стен, завершив симфонию шуршаний и потрескиваний громким металлическим щелчком. Эль быстро скользнул в открывшийся проем (зная по хроникам, что лурианские двери закрываются не менее быстро, чем распахиваются) и остановился, оглядывая округлое пространство полуразрушенной рубки, захламленное обломками каких-то модулей и свешивающимися во все стороны наподобие волос медузы Горгоны обрывками тросов, кабелей и прочего местного хозяйства. Надежда отыскать в этом хаосе что-либо полезное быстро улетучивалась, но все же Эль решил для очистки совести заглянуть, соблюдая все мыслимые меры предосторожности, в пару-тройку закоулков.

После примерно получасовых поисков «улов» был невелик, но существенен: в рюкзаке за спиной негромко побрякивали штук шесть каких-то блочков непонятного назначения, вроде бы неповрежденных и пригодных хотя бы на продажу старьевщикам. Правда, в бортовом компьютере галеона кто-то уже явно покопался до него, – во всяком случае, ничего похожего на модули памяти там не оказалось, хотя и должно было быть, но Эль не особенно на это и рассчитывал.

Он протиснулся в узкий лаз между двумя рухнувшими друг на друга секциями какой-то аппаратуры, сдвинул в сторону занавесь металлических плетеных жил, обгорелых и сплавившихся на концах маленькими гладкими шариками, и замер: там, прижатый к стене массивным обломком арматуры, неподвижно лежал скафандр неизвестной конструкции. Но даже не это поразило его внимание – сквозь прозрачный выпуклый щиток гермошлема на него глядели огромные, в пол-лица, широко раскрытые голубые глаза, и бездонные озера их черных зрачков были наполнены грустью и болью...

Выкручивая, словно руку с занесенным кинжалом, предательскую арматуру и спеша с невесомым найденным на руках на борт «Геракла», Эль молил всех ведомых и неведомых богов только об одном – чтобы спасенное им неизвестное существо оказалось приспособлено к земной атмосфере или чтобы удалось, отыскав в Звездном кадастре его родную планету, подобрать нужный состав воздуха. Уже влетая со своей драгоценной ношей в шлюзовую камеру своего старого трейлера, Эль взглянул еще раз туда, за прозрачный лицевой щиток, чтобы убедиться, что у найденныша все в порядке, и только теперь понял, что капризная ветреница-судьба вознаградила его знакомством с очаровательной представительницей цивилизации дисов...

Когда Гайя уже на борту «Геракла» окончательно пришла в себя, а ее миниатюрная космическая лодочка уютно разместилась в недрах объемистого геракловского грузотсека, она (с помощью «Мирона», в памяти которого, к счастью, оказался графический земной словарь-разговорник) картинками рассказала Элю о произошедшем. Лурианский сухогруз она отыскала недели две назад с помощью какого-то хитроумного самодельного сканера, «пробивающего» пространство на пол-парсека. Конструкция этого монстра (как, впрочем, и большинства других встречавшихся в даль-космосе посудин) ей была знакома, а потому она сразу же проникла в спиральный коридор почти у самого центра. В командной рубке сразу же извлекла из биокомпьютера дымчатый шар

центрального мозга, закапсулированного по аварийному распорядку еще при аварии корабля, а затем, перерубая плазменным резаком мешающие тросы и кабели, направилась ко второму по ценности объекту – малому управляющему мозгу системы жизнеобеспечения, выглядящему в лурианском исполнении довольно невыразительно: всего лишь округлой нашлепкой на стене, но, тем не менее, уникальному по конструкции. А когда Гайя после невероятных усилий почти дотянулась до байонетов крепления МУМ, груда искореженного металла внезапно потеряла устойчивость.

Скафандр, многослойная броня которого была рассчитана на гораздо большие нагрузки, выдержал удар. Но это был огромный капкан: обломок рангоута прижал ее к стене, словно гигантскими челюстями стиснув вооруженную резаком руку. Гайя оказалась в ловушке: рухнувшая конструкция оказалась слишком массивной, чтобы удалось оттолкнуть ее прочь. А дисы – слишком гор-

дая раса, чтобы предусмотреть в скафандрах маленький аварийный сигнализатор, который мог бы излучать стандартную по межлингво триаду отчаянного призыва на помощь...

Тихонько, чтобы не разбудить Гайю, устраиваясь в гамаке и пристегивая ремни фиксационных поясов (можно было бы обойтись и без них, благо кругом покой невесомости, а резких маневров вроде бы не предвидится до утра, но уж очень не хотелось рисковать проснуться вниз головой в каком-нибудь совсем неподходящем месте), Эль собрался подремать оставшиеся до Касситерид четыре с половиной часа. И, прежде чем явь сменилась туманно-расплывчатыми грезами сна, память прокручивала в своем невидимом кинозале последние кадры давних событий на Ярле, когда он сумел выжить только благодаря Ей, навсегда ставшей теперь для него сестрой...

(Продолжение следует.)